

На вопросы директора Издательской группы «Закон» Владимира Багаева и шеф-редактора журнала «Закон» Владимира Румака отвечает **декан Российской школы частного права Андрей Михайлович ШИРВИНДТ**

РОССИЙСКИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ПРАВА НЕ МОЖЕТ БЫТЬ УВЕРЕН В ПРОЧНОСТИ СВОЕГО ПОЛОЖЕНИЯ

Родился 6 апреля 1981 г. в Москве.

В 2004 г. окончил факультет истории, политологии и права РГГУ (специальность «Юриспруденция», специализация «Римская история и римское право») с включенным обучением в Берлинском университете им. Гумбольдтов (2002–2003 гг.); в 2005 г. — факультет права Московской высшей школы социальных и экономических наук, в 2008 г. — Российскую школу частного права. В 2011 г. защитил подготовленную в очной аспирантуре Института государства и права Российской академии наук кандидатскую диссертацию на тему «Значение фикции в римском праве».

С 2003 по 2006 г. — помощник адвоката в Адвокатском бюро «Борис Кузнецов и партнеры».

С 2006 по 2008 г. — главный консультант Управления анализа и обобщения судебной практики ВАС РФ.

С 2008 г. по наст. вр. — ассистент, а затем доцент кафедры гражданского права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

С 2011 г. по наст. вр. работает в Исследовательском центре частного права имени С.С. Алексеева при Президенте РФ (ИЦЧП). Занимал должности консультанта, доцента, заведующего кафедрой обязательственного права. С января 2020 г. — заместитель председателя Совета ИЦЧП — декан РШЧП.

Член Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства.

Специалист по гражданскому и римскому праву, сравнительному правоведению.

Кандидат юридических наук, магистр частного права, LL.M.

Автор около 60 публикаций на русском, английском, итальянском и немецком языках, в том числе трех монографий.

Входит в состав редколлегии научных журналов: «Древнее право — *Ius Antiquum*», «Труды Института государства и права Российской академии наук», «Вестник гражданского права».

Имеет богатый опыт сравнительно-правовой работы, обучался, проходил стажировки, преподавал и выступал с докладами в ведущих зарубежных университетах и исследовательских институтах (Австрия, Германия, Италия и др.). Участвует в международных исследовательских проектах под эгидой Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ), Института зарубежного и международного частного права им. М. Планка, Международной академии сравнительного права (*International Academy of Comparative Law*), Центра евразийского экономического права (*KEEL — Kiel Center for Eurasian Economic Law*), Университета Павии (Италия). Член Европейского правового института (*European Law Institute*); в сентябре 2019 г. избран членом Совета института. Член Международной академии сравнительного правоведения.

Член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации (экономико-правовая секция), а также научно-консультативных советов при Арбитражном суде Московского округа и при Московском областном суде. Постоянный участник рабочих групп по подготовке проектов постановлений Пленума ВС РФ в сфере гражданского права.

Рассматривает споры в качестве третейского судьи (Российский арбитражный центр при Российском институте современного арбитража; МКАС при ТПП РФ).

— Андрей Михайлович, в этом году Вы возглавили сильнейший юридический вуз в нашей стране. Каков Ваш рецепт профессиональной подготовки юриста?

— Прежде всего оговорюсь, что у нас, как и во многих других странах, преподаватели права обычно не очень сильны в теории преподавания. То есть мы, как правило, имеем дело не с профессиональными педагогами, а с юристами, которые осваивают навыки взаимодействия со студентами, что называется, на ходу. В моей жизни все было именно так: меня никто специально не учил преподавать, и весь мой опыт складывается из того, что я сам нащупал в аудитории или почерпнул, например, из обсуждений с коллегами. Уже поэтому я не чувствую за собой права давать какие-то универсальные образовательные рецепты. Я просто поделюсь своими личными наблюдениями о состоянии юридического образования как социального института.

Современное право, наверное, повсюду характеризуется высоким уровнем неопределенности и переменчивости. Причин тому множество: научно-технический прогресс, глобализация, европейская интеграция и пр. Думаю, что в России уровень неопределенности права сегодня особенно высок. Например, в Германии ответы на многие вопросы, встающие перед правоприменителем, известны: их можно найти, просто обратившись к судебной практике, которая накапливалась, оттачивалась, систематизировалась, проходила научную обработку на протяжении десятилетий или даже столетий. Мы же свое право часто не знаем. Более того, оно и само себя не знает, не определилось по очень многим вопросам. Вот в таких условиях — объективной неопределенности и переменчивости права — и приходится работать современному русскому юристу. Именно к этому его и должен подготовить университет. Не без оснований принято считать, что эта задача лучше всего решается через освоение фундаментальных юридических дисциплин, предполагающих отвлеченное рассуждение о праве и требующих понимания самых разных правовых культур, обогащающих методологический арсенал и развивающих критическое мышление. Там, где позитивное право страдает пробельностью и недолговечностью, ядро

университетского образования должны, очевидно, составлять предметы, не привязанные к данным времени и месту (вспомним пример Болонского университета, где в Средние века начали учить юристов не на материале действующего права, а через освоение Юстинианова свода VI в. н.э.).

Угрозу развитию высшего юридического образования в этом направлении иногда видят в Болонском процессе. Переход к системе «бакалавриат — магистратура» чреват дефицитом места в учебном плане бакалавра. И здесь возникает опасность, что экономить будут не на дисциплинах, близких к практике и потому кажущихся необходимыми для базового юридического образования, а как раз на истории, теории и т.п. В магистратуру же мало кто приходит за сравнительным правоведением или социологией права: на этом уровне юрист, как правило, хочет получить уже конкретную прикладную специализацию, приобрести знания и навыки, непосредственно применимые в практической работе уже завтра. Получается, что современный мир вроде бы требует от выпускника не столько набора знаний о праве, которое действует здесь и сейчас, сколько умения быстро сориентироваться в разных, меняющихся, неопределенных условиях, а систему юридического образования как будто кренит немало в другую сторону. Причем не только у нас.

Хотя если считать фантастические успехи наших студентов на международных конкурсах в последние годы тенденцией, а не случайностью, то можно констатировать, что по крайней мере потенциал к развитию в нужном направлении у российского юридического образования имеется. Когда соревнуешься в знании международного права с соперниками из ведущих зарубежных университетов, на иностранном языке, перед жюри, сформированным из представителей самых разных правовых культур, оказываются востребованы как раз те навыки юриста, о которых мы говорили. В том, что наши студенты с этим справляются на высочайшем уровне, хочется видеть добрый знак.

— Зачастую российское образование критикуют за излишнюю академичность. Как Вы к этому относитесь?

— Это известная тема. Действительно, у нас на юриста учатся в университете через освоение юридической науки, иначе допуска к профессии не получить. Понятно, что при этом прикладные, практические аспекты профессии отодвигаются на второй план. Не исключаю, что такая модель подготовки кадров находится в кризисе, — на это намекают результаты исследований, которые проводил Институт проблем правоприменения в Санкт-Петербурге¹. Согласно им, например, судейский корпус в основном формируется из сотрудников аппаратов судов и где-то наполовину из людей, имеющих либо вечернее, либо заочное юридическое образование. Это значит, что образование будущих судей у нас де-факто строится скорее по иной модели — как говорится, у станка. То есть судебная система обновляется за счет тех, кого она сама сформировала.

— Может быть, тогда следует вести речь не о кризисе образования, а о кризисе кадрового наполнения судов?

— Может быть. Но так или иначе у нас фактически конкурируют две модели подготовки кадров. Формально все юристы, идущие в судьи, получают университетский диплом, но в условиях заочного юридического образования говорить о подлинно университетском формировании специалиста невозможно. И вполне вероятно, что прошедший такую форму обучения судья будет говорить на языке, весьма отличающемся от языка юристов, выросших на университетской скамье. Для сравнения: в Германии, например, тот, кто хочет получить полноценный доступ к профессии, должен пройти и чисто университетскую, академическую, и практическую подготовку, причем и судья, и адвокат, и прокурор, да и вообще всякий юрист. Все учатся и сдают экзамены по единым стандартам — стало быть, и говорят в общем на одном языке.

Но если уж мы все-таки решаем учить юристов в университете, то понятно, что они с большей вероятностью научатся рассуждать о достоинствах и недостатках пандектной системы, оперировать та-

кими понятиями, как правоотношение, и классифицировать юридические факты, нежели составлять проекты договоров и процессуальных документов, вести деловую переписку и т.д.

Практики часто упрекают университеты в том, что они не учат студентов писать исковые заявления. Но, на мой взгляд, странно требовать, чтобы профессора, будучи учеными, развивали у студентов те навыки, которые в принципе не аккумулируются в университете.

В Германии говорят, что хороший профессор должен уметь составить иск. Наверное, немецкая система образования действительно делает это возможным, но едва ли такой подход может претендовать на универсальную применимость. Все-таки университетское преподавание, исследовательская работа и юридическая практика — разные задачи, требующие овладения разными навыками, накопления разных знаний.

Я, честно говоря, не вижу трагедии в таком уклоне юридического образования. Университет дает человеку возможность, отвлекаясь от злободневных, а потому в большинстве своем преходящих проблем, и сосредоточиваясь на вечных, фундаментальных вопросах, научиться самостоятельно думать о праве, находить и критически оценивать, фильтровать, систематизировать правовую информацию, производить новое правовое знание. Это требует времени и дистанцирования от суеты, но остается с тобой навсегда и не обесценивается со временем. Подобную роскошь можно позволить себе только в студенческие годы. А научиться грамотно писать исковое заявление с таким багажом за спиной — это дело двух или трех месяцев. Наоборот, если в вузе делать упор на прикладную часть профессии за счет теории, то выпускник уже никогда не наверстает упущенного: урывками в промежутках между работой крайне тяжело осваивать фундаментальные вещи, предаваться отвлеченным размышлениям о сущности своей профессии и ее предмета.

Вероятно, я здесь нахожусь в плену у отчасти устаревшего гумбольдтовского идеала. Но в какой-то мере я нахожу подтверждение своим мыслям в примере юрфака МГУ: его выпускники востребованы на рынке труда, хотя славится он далеко не тем, что

¹ См.: Волков В., Дмитриева А., Поздняков М., Титаев К. Российские судьи: социологическое исследование профессии / под ред. В. Волкова. М., 2015.

здесь натаскивают на правильное составление документов. При этом я совершенно не призываю впадать в крайности и не отрицаю, что и в университете студентам можно дать какие-то навыки практической работы. Более того, этим и сейчас занимаются, например, на семинарах, посвященных решению казусов.

— Складывается впечатление, что сегодня в РШЧП особое внимание уделяется немецкому опыту. Можно назвать это общей тенденцией?

— Уклон в сторону того или иного правового порядка, скорее, зависит от преподавателя. А вот объединение преподавателей с разными позициями и методологией, преподавателей, специализирующихся на разных регионах, разных национальных традициях, следует, по-моему, отнести к достоинствам вуза. Думаю, что такой плюрализм способен максимально обогатить студента, открыть ему самые широкие горизонты: будущему юристу полезнее не записываться сразу в приверженцы какой-то конкретной методологии, а погрузиться в разные системы взглядов. С этой точки зрения Российская школа частного права сейчас действительно в отличной форме.

Ориентация именно на немецкое право может быть, конечно, предопределена дисциплиной. Например, поставить на службу преподаванию русского гражданского права знание традиции *common law* сложнее, чем использовать опыт немецкий. И генетические, и типологические связи нашего правового порядка с иными континентально-европейскими гораздо более тесные. В немецком праве, как, впрочем, и во французском, можно найти готовые ответы на многие вопросы, возникающие в нашей практике или литературе. Это знание доступно и легко прикладывается к нашим реалиям благодаря общим корням, близости систематики, понятийного аппарата, методологии. Тут нужно, правда, оговориться, что значение опыта разных правовых порядков может быть неодинаковым для разных разделов, разных институтов гражданского права.

Вообще же, я, честно говоря, не вижу какого-то повального увлечения немецким правом, немецкой литературой среди преподавателей права. К сожалению, широкому использованию континентально-европейского опыта в образовательном процессе

препятствуют довольно приземленные обстоятельства. Большинство абитуриентов владеют в какой-то степени одним иностранным языком, и этот язык английский. Немецкий или французский знают лишь единицы. Это подтверждают, например, результаты социологического исследования, которое мы с Екатериной Анисовной Ходжаевой из Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге проводили весной 2019 г. в пяти российских вузах².

Многие работодатели требуют высокого уровня владения английским, а другие языки рассматривают лишь как дополнительное преимущество: даже немецкая юридическая фирма вряд ли возьмет на работу русского юриста, который говорит по-немецки, но не знает английского. Соответственно, для немецкого остается место второго иностранного, а это в нынешних российских условиях доступно только очень небольшому числу студентов и выпускников неязыковых вузов. Ценность же изучения немецкого права по пересказам, понятное дело, не очень велика.

— Вы сказали, что университет позволяет отвлечься от суеты и погрузиться глубже в изучение теоретических основ права. Соответствует ли этому представлению магистратура, которая у нас, в отличие от стран общего права, не требует отрыва от рабочего процесса?

— Действительно, магистранты часто совмещают учебу с работой. И дело, я думаю, не только в том, что у многих просто нет альтернативных источников финансирования. Чтобы выйти на рынок полноценным юристом, выпускнику, как это ни парадоксально, нужно предъявить опыт работы. В результате студент, который более или менее осознанно выстраивает профессиональную карьеру, к концу третьего — началу четвертого курса бакалавриата начинает работу в том или ином качестве в юридической фирме. Это разумно при нынешнем состоянии рынка труда, нынешних требованиях работодателей, но не факт, что хорошо: мы видим, что качество обучения работающего студента существенно падает.

---

² Ширвиндт А.М., Ходжаева Е.А. Что читают студенты юридических вузов: первые результаты исследования // Закон. 2019. № 9. С. 85–89.

Тем не менее рынок труда диктует такие условия, и ничего с этим не поделаешь. Я знаю пример, когда человек, отучившийся в нескольких европейских университетах и в совершенстве владеющий тремя иностранными языками, при устройстве в одну из российских юридических фирм получил предложение начинать с самых низов, по сути, с выполнения функций делопроизводителя. И те, кто не втянулся в практику еще во время учебы, как правило, столкнутся с такой же ситуацией после выхода на рынок.

При этом я уверен, что многие наши студенты достигают пика профессионального развития как раз к концу третьего курса, когда они еще могут себе позволить такую роскошь, как просто учиться, не отвлекаясь на практическую деятельность. Хороший студент бакалавриата ведущих юридических вузов показывает к этому моменту высочайший уровень квалификации.

— Если практика мешает обучению, почему тогда вузы соглашаются на условия трудового рынка и выстраивают учебный процесс так, чтобы студент мог совмещать учебу с работой? Прежде всего это касается магистратуры, занятия в которой, как правило, происходят в вечернее время.

— Думаю, вузы просто не борются с этим. Наверное, есть вузы, которые и в самом деле пытаются подстроиться под работающего студента. Но говорить о том, что так делают все без исключения, неправильно — допустим, занятия в РШЧП и в магистратуре юрфака МГУ проводятся днем.

Можно ведь влиять на ситуацию не только расписанием, но и требованиями: например, настроить их так, что если студент не найдет времени для работы в библиотеке, то он просто не сможет сдать экзамен. Вот этого вузы как раз не делают — во всяком случае, я не знаю, чтобы кто-то придерживался такого подхода в России. В результате студенты прогуливают занятия, а свободное время посвящают далеко не библиотеке, что не может не сказываться на качестве получаемого образования. Но не думаю, что это связано именно с желанием вузов дать студентам возможность работать. Скорее, у нас в принципе не очень высокие требования к ним.

— Студенты и даже окончившие вузы юристы часто говорят, что многие теоретические дисциплины, такие как римское право, на практике просто не нужны, и задаются вопросом: зачем им уделять столько внимания в учебном процессе? Может быть, проблема в том, что преподаватели не делают связки между теорией и практикой? В первые три года студент не имеет представления о практических проблемах, с которыми он столкнется, и преподаватель мог бы это исправить.

— Не знаю, насколько репрезентативна Ваша выборка... Вообще, было бы интересно узнать, что об этом думают выпускники, скажем, через пять или десять лет после окончания вуза. Но продемонстрировать студентам первого-второго курса, как теория права, социология права или история права могут пригодиться на практике, показать им ту ниточку, которая ведет от самых абстрактных категорий теории или от древних правопорядков к завтрашнему судебному заседанию в каком-нибудь районном суде, не так-то просто. Другой вопрос, нужно ли объяснять студенту каждый шаг, который совершает отдельный преподаватель или университет в целом: если исходить из того, что мы знаем, что делаем, что учебный план составлен не просто так, то студент вполне может нам довериться, а уже постфактум, иногда спустя годы, обнаружить полезный эффект от пройденного.

Возьмем близкое мне римское право (уже десять лет читаю лекции по римскому праву на юридическом факультете Московского университета). Его можно преподавать по-разному. Можно основное внимание уделять тому, что актуально сегодня, тем институтам, которые дожили до наших дней, например обязательственному праву. Можно обращать внимание студентов на античные решения, которые восприняты и широко используются современными правопорядками. Можно находить в античном наследии ответы на вопросы, не получающие сегодня удовлетворительного ответа, и т.д. Такой подход сокращает дистанцию между римским правом и современной действительностью, наглядно демонстрируя студенту, что он получает применимое знание. Но, по-моему, не меньше пользы от альтернативного подхода. Подчеркивая дистанцию между римским правом и нами, преподнося римское право

как дисциплину историческую, преподаватель ставит студента перед необходимостью понять другое право.

Освоение римского права как права другого народа, имеющего свои исторические и культурные особенности, развивает важные навыки, которые, несомненно, пригодятся впоследствии в юридической практике. Это умение погрузиться в совершенно другую понятийную, институциональную, культурную среду, мыслить отвлеченно, находить в праве универсальное.

Между прочим, изучение процесса по формуле, власти домовладыки или многочисленных подробностей римского рабства — это прекрасная школа юридической методологии. Думаю, что и преподавание римского права, поставленное таким образом, формирует человека как специалиста, расширяет его методологический кругозор, углубляет понимание права. А первокурсник, который проходит такую школу, вполне может поначалу этого и не замечать.

— Такой подход можно распространить в целом на область сравнительного правоведения. Знаю, что ей уделяется большое внимание при обучении в РШЧП.

— Действительно, и в РШЧП, и в МГУ знакомство с зарубежным опытом давно уже является стандартом подготовки юриста. Это хорошо заметно по курсовым и дипломным работам, по публикациям выпускников: при их написании сегодня редко обходятся без обращения к иностранной литературе. И Вы совершенно правы: изучение зарубежных правовых порядков имеет тот же дидактический потенциал, что и освоение курса римского права. Задачей при этом, естественно, не является подготовка специалиста, умеющего применять английское, немецкое или французское право. Речь идет о расширении профессионального кругозора студента, о стимулировании его к выходу за пределы шаблонного мышления и поиску нетривиальных решений.

— Мы поговорили об образовательном процессе с точки зрения студентов, а как обстоят дела с преподавателями? Подавляющее большинство

вынуждены совмещать работу в вузе с юридической практикой, поэтому преподавателей, образно говоря, живущих в университете, очень мало. Не видите ли Вы в этом проблему?

— Действительно, сегодня могут себе позволить работать только в университете единицы, и это проблема. Для вуза, наверное, неплохо иметь среди профессорско-преподавательского состава тех, кто занимается практикой. Но если таких большинство, мы не можем ожидать серьезного развития науки в университете, потому что исследовательская работа требует погружения, стажировок, наконец, времени.

Думаю, что это проблема системная и сегодня нерешаемая, потому что в наших условиях вторая работа помогает преподавателю не только зарабатывать, но и диверсифицировать свои карьерные инвестиции. Я плохо себе представляю, как можно прокормить семью даже на зарплату, выплачиваемую в хорошем московском вузе. Кроме того, у профессоров отсутствует какой-то прочный статус.

Немецкий профессор в любом случае останется профессором до пенсионного возраста, а потом сохранит существенную часть неплохой профессорской зарплаты и возможность заниматься своим делом (преподаванием и наукой) еще свободнее, чем прежде.

Там профессор не должен все время думать о том, что после прекращения очередного срочного договора он может оказаться без работы, потому что неугоден кому-то, придерживается каких-то неправильных политических взглядов или кто-то решил, что у него недостаточно педагогической нагрузки.

Российский же преподаватель права не может быть уверен в прочности своего положения и знает, что складывать все яйца в одну корзину ни в коем случае нельзя.

Всегда есть риск, что его переведут на гражданско-правовой договор, а потом выгонят, сократят и т.д. и он вновь выйдет на рынок труда. А теперь представьте себе человека, который занимается серьезной наукой, с головой ушел в юридическую папирологию, бихевиоризм или сравнительное исследование правовой методологии разных стран,

и вдруг оказывается вынужден переключиться на адвокатскую работу или консалтинг. Если не выполнять на протяжении нескольких лет заказы юридических фирм, а посвятить это время, скажем, изучению рецепции германского или французского опыта в XIX в., ты неизбежно девалифицируешь себя как практика.

Мне кажется, мы могли бы получить и фундаментальную, и прикладную юридическую науку мирового масштаба, если бы создали класс неплохо зарабатывающих (не обязательно много, гуманитарная наука все-таки не способ сколотить состояние) преподавателей и дали им академическую свободу, которая позволяла бы стратегически планировать исследовательскую карьеру.

У нас есть кому реализовать самые амбициозные научные и образовательные проекты в сфере юриспруденции. Я вижу очень много молодых людей, которые склонны к такой работе и горят ею. Но в современную российскую действительность свободный, независимый профессор, твердо стоящий на ногах, думаю, не впишется.

— Может ли политическая повестка влиять на преподавание дисциплин, не связанных с политикой? Например, из РШЧП ушел по политическим мотивам Роман Бевзенко, не так давно обсуждали уход некоторых преподавателей конституционного права из НИУ ВШЭ.

— Тут много аспектов. Случай с Романом Бевзенко, который Вы вспомнили, типологически принадлежит к группе ситуаций, когда преподаватель разрывает отношения с образовательной организацией, так как не согласен с политическими, ценностными установками, которым она или ее руководство демонстрируют приверженность, а может быть, не согласен с самим фактом демонстрации вузом своей политической позиции. Сюда же, наверное, относится история с Генри Марковичем Резником, который ушел из МГЮА из-за размещения в здании мемориальной доски Сталину. Можно себе представить, что какие-то преподаватели откажутся сотрудничать с вузом, где проходят политически мотивированные кадровые чистки и отчисления студентов. Думаю, что здесь идет речь о вещах, неспецифичных именно

для университета: люди уходят по принципиальным соображениям из самых разных организаций, сообществ. Учитывая уровень обобщения, на котором мы с вами находимся, не хочу погружаться в детали той конкретной истории, но, раз уж о ней зашла речь, замечу, что какого-то особенно интенсивного вторжения политики в учебный процесс в РШЧП лично я не наблюдаю.

Специфична для университета другая проблема: проблема политики в аудитории. Тут в первую очередь приходит на ум ее хрестоматийное обсуждение Максом Вебером. Он говорил, что политике в университете не место.

Транслируя с кафедры свои политические взгляды, профессор тем самым злоупотребляет своим положением и доверием студентов к нему как к преподавателю. И в этом смысле занятие политикой в университете непрофессионально независимо от того, какие взгляды человек отстаивает. Я сам стараюсь свои политические предпочтения в аудитории не обнаруживать. В то же время я знаю преподавателей разных российских вузов, которые это делают.

— А Вы сами солидарны с Вебером в том, что это злоупотребление?

— Мне кажется, нельзя однозначно ответить на этот вопрос. Разумеется, преподаватель не имеет права делать содержанием лекций свои убеждения, идеалы, ценностные установки, политические пристрастия, выдавать их за объективное научное знание. Именно об этом говорил Вебер, и с этим трудно спорить.

Но отношения педагога и студента предполагают гораздо более сложное общение, чем просто трансляцию научного знания или обучение профессиональным навыкам. В их взаимодействие неизбежно приходит что-то личное, лежащее за рамками преподаваемой дисциплины. И это личное вполне может быть политическим. Об этом тоже нельзя забывать.

Кроме того, ответ на вопрос, следует или не следует в аудитории обсуждать политику, будет, наверное, зависеть и от того, насколько интенсивно политика вмешивается в нашу жизнь, насколько острыми и

злободневными оказываются политические темы. Может так случиться, что преподаватель попросту не сможет игнорировать какие-то политические явления, мысль о которых владеет аудиторией и буквально физически ощутима в ней. Вспоминается брехтовское: «Что же это за времена, когда разговор о деревьях — почти преступление, потому что заключает в себе молчание о стольких бесчинствах!»

Если говорить о российской действительности, то мне сложно вспомнить случаи, когда преподаватели страдали именно за высказывание своих политических взглядов в рамках образовательного процесса. Я помню, что один преподаватель позволил себе пространные критические высказывания об определенных политиках в аудитории, высказывания эти были записаны на диктофон, выложены в Сеть и вызвали большой резонанс. Но на карьере преподавателя это не отразилось, по крайней мере каких-либо внешне заметных изменений в его положении не произошло.

Сейчас я часто слышу, что из разных университетов увольняют людей вроде бы по политическим причинам. Но, если я правильно понимаю, большинство таких историй скорее связаны с тем, что преподаватель высказывается на политические темы вне стен университета (в СМИ, в социальных сетях). Я знаю несколько таких случаев, и в каждом из них речь шла о преподавателях, публично критиковавших российскую власть.

|| Ни одного примера увольнения преподавателей, публично занимавших провластную позицию, я не знаю. Хотя поддержка власти — это такая же политика.

Кстати, вот еще что любопытно. С одной стороны, мы говорим о том, что в стенах университета не приветствуется политика. С другой стороны, мы видим, что университеты часто с удовольствием принимают в своих аудиториях представителей власти. Подозреваю, что без политики на таких встречах не обходится. Но те же вузы не склонны давать аудиторию оппозиционно настроенным участникам общественного диалога.

— **Можно ли оценивать преподавателей, допускающих политические высказывания вне стен вуза,**

как представителей вуза? Ведь, по идее, такие заявления не могут обязывать университет.

— Вопрос очень непростой. Никогда им специально не занимался, поэтому могу только порассуждать вслух. Прежде всего, стоит, наверное, различать ситуации, когда сотрудник вуза представляется в этом качестве и когда он выступает в каком-то ином качестве.

|| Если человек не представляется как преподаватель определенного университета, то его высказывания не должны восприниматься как отражающие позицию вуза и не должны скальзываться на отношениях между ним и университетом.

Вероятно, какие-то исключения следует сделать для случаев, когда человек, являющийся преподавателем, публично занимает позицию, вступающую в открытый конфликт с фундаментальными для университета нормами. Приверженность тому или иному политическому лагерю, критика в адрес того или иного политика по общему правилу в число таких исключений входить не должны.

Сложнее дело обстоит тогда, когда человек, представившийся как преподаватель определенного вуза, публично делает оценочные политические высказывания, занимает позицию по политическим вопросам. Например, человек участвует в радиопередаче, где поддерживает одну политическую программу и отвергает другую. При этом слушателям его представляют как профессора такого-то университета. С одной стороны, отстаивание тех или иных политических взглядов не входит и не может входить в содержание отношений между преподавателем и вузом, поэтому, строго говоря, высказывание вроде «Как профессор этого университета, я призываю всех голосовать за кандидата Икс» просто некорректно. Но это должно быть очевидно аудитории, и в таком случае преподавателя едва ли можно обвинить в создании у слушателей ошибочного впечатления, будто он выражает позицию вуза. Больше того, у вуза, по-моему, не может быть никакой позиции по политическим вопросам. Кстати, вот почему я всякий раз удивляюсь, когда в каких-то скандальных ситуациях наши университеты выступают с заявлениями, что

мнение того или иного преподавателя не является мнением вуза и вуз с ним не согласен. Разумеется, не является: у вуза и не может быть никакого мнения на этот счет. Но поэтому, между прочим, вуз и не может не соглашаться с политической позицией преподавателя. С другой стороны, основное место работы — важная информация о личности. Слушателям она полезна, чтобы составить мнение о человеке, который перед ними выступает. Кроме того, место работы часто является одним из главных элементов самоидентификации человека. Подозреваю, что для университетской профессуры это норма. А значит, нет ничего удивительного в том, что человека, выходящего к публике, представляют с указанием его основного места работы. Как нет ничего удивительного в том, что он сам так представляется. Если человек считает преподавание в университете своим главным вкладом в общее дело, то почему об этом не объявлять при вступлении в общественную дискуссию? К слову, если я правильно припоминаю, в избирательном бюллетене указывается основное место работы кандидатов. Почему в бюллетене можно и должно указать университет, в котором работаешь, а при выступлении в СМИ — нет?

— **В теории представительства есть понятие «видимость полномочий». Не возникнет ли здесь такого эффекта для тех, кто знакомится с мнением представителя вуза?**

— Видимость полномочий имеет место, когда объективно неуполномоченное лицо внешне выглядит как уполномоченное.

По-моему, общеизвестно, что занятие политикой — не дело университетов, а трудовой функцией преподавателя не охватывается доведение до публики официальных позиций университета по политической повестке. В такой ситуации едва ли можно говорить, что профессор, публично выражающий симпатии к какой-то политической программе, в глазах стандартного наблюдателя выглядит как пресс-секретарь университета.

— **А в чем принципиальное отличие между видимостью полномочий и полномочиями из обстановки? В литературе встречается мнение,**

что суды не всегда способны разграничивать эти понятия.

— Термином «полномочия из обстановки» у нас обозначают две разные вещи: видимость полномочий и конклюдентное уполномочие. Грань между ними гораздо легче разглядеть умозрительно, чем в конкретной практической ситуации. Кроме того, и защита доверия к видимости полномочий, и признание конклюдентного уполномочия выполняют сходные функции, способствуя стабилизации оборота. Поэтому странно было бы ожидать от правоприменителя, чтобы он в каждом конкретном случае с аптекарской точностью проводил различие между ними. Общий знаменатель — обстановка, в которой одно лицо совершает сделку от имени другого.

Если обстоятельства, в которых заключается сделка, красноречиво свидетельствуют о наличии у представителя полномочий, то говорят о полномочиях из обстановки.

К примеру, когда человек стоит за прилавком или сидит за кассой в магазине, создается обоснованное впечатление, что он является представителем хозяина магазина. Однако попасть за прилавок или за кассу можно по-разному. Если там оказался человек, получивший от хозяина магазина доверенность, проблемы нет — внешние обстоятельства просто-напросто отражают действительное положение дел: представителем выглядит тот, кто на самом деле обладает полномочием. Если хозяин магазина отправляет кого-то за прилавок или за кассу без предварительной выдачи доверенности, то можно сказать, что самим этим фактом он наделяет представителя полномочием или, иными словами, осуществляет конклюдентное уполномочие. Полномочие здесь выдается не посредством письменного волеизъявления (доверенности), а путем совершения действий (помещения человека за прилавок или за кассу), из которых видна воля на уполномочие. Если же, наконец, некто самовольно встал за прилавок или уселся за кассу, то мы имеем дело с видимостью полномочий: лицо не уполномочено, но выглядит таковым. И здесь правопорядок определяет, готов ли он, и если да, то в каких случаях, защитить доверие контрагентов, положившихся на эту видимость. У нас, например, наряду с положением о полномочиях из

обстановки (абз. 2 п. 1 ст. 182 ГК) защиту доверия к видимости полномочий предоставляют правила о последствиях прекращения полномочий и о публичной достоверности реестра юридических лиц. Для контрагента, который, не зная о прекращении полномочий, добросовестно исходил из того, что они сохранились у предъявляющего оригинал доверенности представителя, этот — объективно уже бывший — представитель рассматривается как уполномоченный (п. 2 ст. 189 ГК). Так же и для того, кто, находясь в плену добросовестного заблуждения, совершает сделку с бывшим, но почему-то до сих пор указанным в этом качестве в ЕГРЮЛ директором юридического лица, директор считается уполномоченным (абз. 2 п. 2 ст. 51 ГК).

Впрочем, для практики, наверное, гораздо более животрепещущ вопрос о том, в каких типах ситуаций суды склонны признавать полномочия из обстановки. Что создает эту обстановку? Место совершения сделки? Помните Постановление Конституционного Суда про договор вклада, заключенный неуполномоченным представителем в офисе банка в Геленджике?³ Нахождение печати представляемого в распоряжении представителя? Как показывает обобщение судебной практики — результаты работы, проведенной Андреем Владимировичем Егоровым и Екатериной Александровной Папченковой, описаны в нашей с ними книге о представительстве⁴, — суды зачастую используют весьма широкое понятие обстановки.

— В этом плане хорошим подспорьем для судов является Постановление Пленума Верховного Суда 2015 г.⁵ Вы участвовали в его разработке и принимаете участие в подготовке других проектов постановлений Пленума. Расскажите немного о том, как происходит обсуждение. Есть ли при этом элементы дискуссии, подобно тому, что было в Высшем Арбитражном Суде?

— Попробую как-то суммировать свой опыт и провести схематическое сравнение. Но хочу подчеркнуть,

что мои сведения о чисто внутренней работе судей и аппарата над проектами ограничены.

В стандартной процедуре подготовки абстрактных разъяснений можно выделить несколько этапов. Как правило, сначала текст проекта готовится одним человеком или малой рабочей группой из сотрудников аппарата. Затем следуют какие-то внутренние обсуждения с участием более широкого круга сотрудников аппарата и судей. В Высшем Арбитражном Суде иногда уже на этой стадии к обсуждению подключались отдельные приглашенные специалисты, прежде всего ученые. Новая редакция текста выносятся на обсуждение с участием внешних экспертов. В Высшем Арбитражном Суде такие обсуждения проходили на специальных заседаниях Президиума с привлечением широкого круга специалистов. Большое число участников и предварительная публикация проекта делали дискуссию публичной. В Верховном Суде эта работа поставлена иначе. Подготовленная в недрах Суда редакция текста тщательно обсуждается рабочей группой, в состав которой входят наряду с судьями и сотрудниками аппарата несколько приглашенных специалистов, главным образом ученых. В зависимости от объема и сложности документа рабочая группа проводит от двух-трех до десятка заседаний протяженностью от трех до шести часов. Текст, прошедший обсуждение на заседании Президиума ВАС или рабочей группы Верховного Суда, уходит на доработку в аппарат. Новая редакция выносятся на обсуждение опять же на заседании Президиума ВАС или соответственно рабочей группы Верховного Суда. После этого в Высшем Арбитражном Суде аппарат готовил окончательный проект, который выносился на голосование Пленума или Президиума. В Верховном Суде текст, поправленный после повторного обсуждения на заседаниях рабочей группы, становится предметом обсуждения на заседании Научно-консультативного совета, где несколько десятков ученых, входящих в состав Совета, имеют возможность высказать замечания. По итогам аппарат, иногда с участием членов рабочей группы, готовит окончательную редакцию проекта, которая выносятся на голосование Пленума.

В некоторых случаях описанной процедуре в Верховном Суде предшествует еще один этап, когда на заседаниях рабочей группы обсуждается круг вопро-

³ Постановление КС РФ от 27.10.2015 № 28-П.

⁴ Егоров А.В., Папченкова Е.А., Ширвиндт А.М. Представительство: исследование судебной практики. М., 2016.

⁵ Постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

сов, нуждающихся в разъяснении в постановлении Пленума.

Мне довелось участвовать в подготовке ряда разъяснений Высшего Арбитражного Суда в качестве сотрудника аппарата и нескольких проектов постановлений Пленума Верховного Суда в качестве приглашенного специалиста.

Дискуссии в рамках рабочих групп Верховного Суда очень напоминают мне обсуждения проектов на совещаниях управления анализа и обобщения судебной практики ВАС, сотрудником которого я был.

Как участнику этих обсуждений мне сложно отстраниться и дать им какую-то объективную оценку.

Могу только сказать, что и там, и там я многому научился.

— Вы родились в актерской семье, и нередко дети актеров продолжают дело родителей. Вы своей стезей выбрали право. Почему?

— Боюсь, у меня не получится порадовать вас каким-то неожиданным ответом.

Юрическое образование часто выбирают те, кто не чувствует тяги к какой-то определенной профессии.

Думаю, это мой случай. В школе в разное время мне нравились математика и история. Можно сказать, что право — это где-то посередине? ■